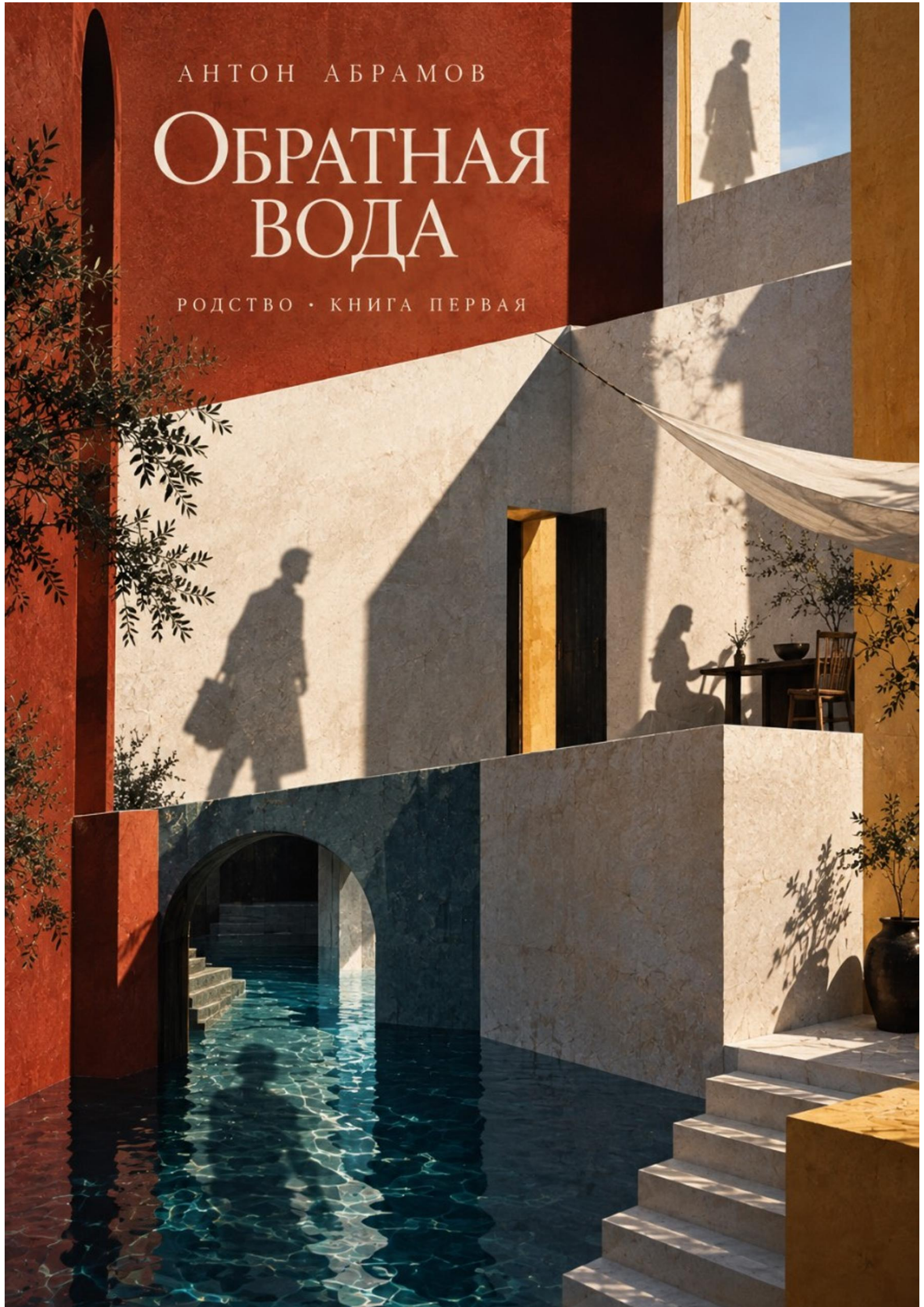

АНТОН АБРАМОВ

ОБРАТНАЯ ВОДА

РОДСТВО • КНИГА ПЕРВАЯ

АНТОН АБРАМОВ

Обратная вода

«Автор»

2026

Абрамов А.

Обратная вода / А. Абрамов — «Автор», 2026

Нарев живет в воде, его отец жил на суше. В мире четырех человеческих форм, где ребенок никогда не похож на родителя, это обычная семья. После смерти отца Нарев берет недельный отпуск и едет в Аств закончить наследственный расчет. Документы собраны, место на обратный рейс куплено, но одну подпись не удастся подтвердить. За свидетельством он приходит к женщине, которая больше века живет в одном дворе. Она помнит человека с пеналом, который сорок лет назад назвался именем его отца. Нарев же уверен, что в тот год отец никуда не уезжал. Неделя растягивается на два с половиной месяца. Сверяя рассказ свидетельницы с бумагами сорокалетней давности, Нарев обнаруживает, как мало знает о человеке, с которым вырос. Дома его ждет женщина, с которой они собирались жить вместе. Но каждая находка ведет к следующей, и Нарев уже не может сказать, какая из них отпустит его домой. «Обратная вода» открывает сагу «Родство».

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ПРИЗНАНИЕ	5
Глава первая. ОБРАТНАЯ ДОРОГА	5
Глава вторая. ПЯТЬ СПОСОБОВ	10
Глава третья. ОВЕЛИС	15
Глава четвёртая. МЕЖДУ	21
Глава пятая. ВОЗРАЖЕНИЕ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Обратная вода

ЧАСТЬ I. ПРИЗНАНИЕ

Глава первая. ОБРАТНАЯ ДОРОГА

Обратный рейс Нарев взял на седьмой день. В ответе Признания стояло от трёх до пяти рабочих дней; даже если возьмут все пять, оставался ещё день на расчётную контору. Дорога занимала трое суток в одну сторону. Сави получил даты за неделю. Энир он сказал в тот же вечер, когда взял рейс.

Расписание лежало под прозрачным клапаном футляра. Перечень документов Нарев проверил в третий раз утром перед выездом, когда всё уже было уложено.

Вода перестала поступать из нижних отверстий. Он почувствовал это спиной раньше, чем за перегородкой смолк насос. До открытия перехода успевали осесть поднятые со дна ворсинки. Нарев отстегнул поясную опору и вытянул ноги.

Через стекло над водой были видны ступни. На сухой галерее пассажиры двигались к выходу, волоча сумки по настилу. Кто-то остановился, поправляя ремень, и остальные обходили его с двух сторон. Нареву отсюда были доступны только ноги и нижние края багажа.

Створка отошла в стену. Вода потянула вдоль корпуса, и первым двум пассажирам пришлось ухватиться за поручень. Нарев выждал, спустился ниже и прошёл под их локтями. Футляр он подтянул к животу: у замка был выступ, которым легко зацепить одежду соседа.

В приёмном бассейне течение загибалось к левой решётке. Там держалась полоска упавочной ткани; свободный конец поднимался при каждом движении створки и снова ложился на прутья. Решётку поставили слишком близко к выходу. Нарев взял правее, прижал стопы и несколькими движениями корпуса дошёл до ответвления с гостиничным указателем.

Гостиничный канал уходил под сухой мостик и выводил к дому с задней стороны. По улице было короче, но от терминала начинался подъём. После трёх дней дороги Нарев выбрал воду.

Канал оказался уже, чем на плане. У двух домов навстречу открывались створки, и возле каждой приходилось пропускать людей. Под низким переходом над головой двигали стул; между досками сыпалась крошка, и кто-то стряхнул её с плеча, не поднимая лица. На стене у самой воды было вырезано несколько имён. Одно повторялось дважды, и во второй раз пишущий перепутал последние буквы и закрыл ошибку квадратом.

Вход нашёлся за хлебной лавкой. Вывеска висела над сухой дверью, куда с воды заглянуть было нельзя; у нижнего входа оставалась эмалированная стрелка.

Женщина за стойкой сидела выше, чем стоял он. Она прочитала имя на подтверждении и нашла запись в книге.

«Шесть ночей?»

«Да. Уезжаю утром».

«В последний день комнату освобождают до девяти».

«Я освобожу раньше».

Она передвинула к нему регистрационный лист.

«Сообщения принимать будем?»

«Будем. Из другого города тоже».

«Впишите обратный адрес в нижнюю строку. Входящие у меня. Разговорная комната рядом с лестницей, соединение заказывают здесь».

Нарев вписал рабочий адрес и спросил, нужно ли называть отправителей заранее. Достаточно было имени и номера комнаты. Женщина сказала, что в ответах лучше оставлять номер гостиницы: гости часто переписывают только город и улицу, и тогда листы разносят соседям.

«Можно взять комнату дешевле. Там общий оборот, по часам».

«Оставьте заказанную».

До комнаты вода доходила непрерывно. Дверь открывалась на сухой край пола, ниша была сразу справа, между нею и коридором четыре шага. Нарев перенёс вещи на скамью. Стопы после дороги расправлялись неохотно, край перепонки зацепился за ремень, и пришлось наклониться, чтобы освободить. Он снял дорожное крепление, опустил в воду и отвёл ворот от дыхательных складок.

Напор был достаточный. Под опорой для плеч проходила рука, дно не мешало вытянуть ноги. Нарев передвинул опору на одно деление и остался так на несколько минут. В дороге сосед трижды за ночь задевал его ногой, всякий раз извинялся, и просыпаться приходилось ради ответа. Здесь слышалась вода за перегородкой и шаги сверху.

Он поднялся, когда минутная стрелка дошла до деления, и разобрал сумку. Сменная одежда, принадлежности, обёрнутый тканью кусок еды — его хватило бы ещё на день пути. Энир положила больше, чем он просил: она считала, что на пересадке он не станет есть, если очередь окажется длинной. Очереди не было. Нарев ел в отсеке, чтобы не развязывать сумку при соседе.

Документы он перенёс на сухую полку возле ниши. В футляре лежали две пачки, разделённые картоном: верхняя для Признания, нижняя для расчётной конторы, и в ней согласие Нesy на то, чтобы он представлял обоих.

Конверты были отцовские. Керет держал семейные бумаги в плотных конвертах с надписанным содержимым; Нарев конверты сохранил и вложил в них перечень, присланный из Аства. На одном отец когда-то исправил цифру в годе — зачеркнул так, что прежнее число осталось видно, и рядом поставил верное. Нарев сказал ему тогда, что проще надписать заново. Керет ответил, что тогда не будет видно, что было раньше.

Расчётная контора написала через месяц после смерти. Деньги были готовы, доли посчитаны; для двух получателей требовалось местное удостоверение семейной записи. Нарев переслал Несе копию расчёта, она вернула согласие и оставила себе письмо. На её листе у нижнего края остался круг от чашки. Он заходил на название конторы и не закрыл ни одной буквы. На обороте Неса приписала, чтобы он сообщил, когда доберётся. В прошлую поездку он написал ей уже из дома.

Нарев сверил число листов по перечню, застегнул футляр и передвинул ремень так, чтобы замок оказался под рукой.

Дорожную еду стоило оставить на вечер, а у лавки как раз вынесли противень. Над водой была откинута узкая стойка. Нарев взял две лепёшки с начинкой и положил обёртку перед собой. Есть одной рукой было неудобно: у первой сломался край, начинка попала на пальцы, и он подхватил её раньше, чем она сползла в воду. Продавец молча протянул салфетку. Здесь начинку клали до самых краёв; дома Нарев начинал с пустого края и оставлял середину напоследок. Он съел обе, хотя вторую собирался взять с собой.

До административного канала оставалось два двора и один короткий сухой переход. На плане переход был показан соединённым с водой.

Нарев дошёл до закрытого окончания канала и увидел под ограждением свежую полосу кладки. У двух ступеней висела дощечка с датой работ, уже прошедшей. За ступенями улица поднималась, и следующего спуска отсюда видно не было.

Он вынул план. До ступеней схема совпадала со всем, что он прошёл. Дальше на ней оставался канал.

Можно было подняться и спросить, сколько идти по сухому, но для этого пришлось бы вылезти с футляром и найти человека, который знает именно водный вход. Обход был обозначен целиком. Нарев вернулся до развилки.

Обход занял на несколько поворотов больше и вывел прямо к стене Признания, где под окнами тянулся поручень для ожидающих.

Сухой фасад он увидел с середины канала. Над широкой лестницей были выбиты слова; нижнюю строку закрывали люди на ступенях. Слева под здание уходил водный вход, и там название повторялось на доске под фонарём.

В приёмном дворе вода доходила выше груди. По сторонам были сделаны опоры, средний проход оставили свободным. У дальней стены на сухом настиле стояли столы, к каждому можно было подойти из воды. Служащие сидели боком к окнам, и свет падал на бумаги, не отражаясь в глазах просителей.

Служащий за первым столом посмотрел письмо, сверил номер расчётного дела и написал на квадратном талоне двадцать восемь. Открыт был двадцать первый.

Нарев устроился у края правого ряда. Если на дело уходит четверть часа, до него дойдут после перерыва. Он посчитал ещё раз, по десять минут, и получил до перерыва. Часы висели за спиной у служащих, и смотреть на них приходилось поверх голов ожидающих.

К двадцать четвёртому рядом с ним сел мужчина с перевязанной кистью. Он положил на выступ пакет, опустился глубже и закрыл глаза. Под повязкой расплывалось тёмное. Нарев отодвинул футляр, чтобы вода с пакета не попала на замок.

Ему хотелось ещё раз вынуть ответ. Он знал содержание; повторное чтение ничего не прибавило бы. Вместо этого Нарев проверил ремень — край натёр кожу под рукой, — снял футляр и прижал его предплечьем к выступу.

Когда назвали двадцать восемь, он поднялся слишком быстро и задел коленом опору.

Служащая дождалась, пока он подойдёт, и сдвинула к краю поднос с решётчатым дном. Нарев положил футляр. Она дала воде стечь, протёрла поднос и только тогда попросила открыть замок.

«Расчёт после Керета?»

«Да».

«Вы его сын?»

«Да. Здесь согласие сестры».

Она отделила нижнюю пачку.

«Это для расчётной конторы. Мне пока верхнюю».

Нарев подавал документы в порядке перечня. Служащая раскладывала их на своей стороне и ставила отметки напротив названий. У большого пальца у неё чернела полоска копировального состава; иногда она касалась ею края листа. Следов не оставалось.

На выписи о его рождении она задержалась. Нарев ждал вопроса о дате: в старой записи месяц стоял под местным названием, а на обороте было заверенное соответствие. Он начал переворачивать лист, но она придержала его за угол.

«Дату вижу. Посмотрю заверение».

Она достала с нижней полки том и нашла место по боковому указателю. В книге были образцы печатей. Один совпадал с оттиском, включая обломанный край круга; Нарев видел это со своей стороны стола.

Служащая выписала фамилию из-под заверения и открыла другую книгу. Искала дольше. Рядом с фамилиями стояли даты, часть строк была перечёркнута тонкой линией. Она вернулась к началу раздела, сверила надпись над печатью и сказала, что должна посмотреть продолжение списка.

«Всё остальное есть?» — спросил Нарев.

«По перечню всё».

«Тогда можно зарегистрировать сегодня?»

«Зарегистрируем. С заверением нужно разобраться».

Она оставила бумаги раскрытыми и прошла за перегородку.

Нарев остался у стола, опираясь локтями на край. На стене справа висел план эвакуационных выходов; он проследил оба водных пути до внешнего канала. Один выводил во двор, через который он вошёл, другой заканчивался на соседней улице.

Служащая вернулась с более тонкой книгой, открыла её на отмеченной странице и сравнила даты.

«В продолжении тоже нет. Потребуется отдельная проверка происхождения выписи».

«Сколько она занимает?»

«Срока сейчас не назову. Нужно определить, каким способом здесь можно подтвердить заверение».

Нарев придвинул к ней предварительный ответ.

«Я описал эту выпись в запросе. Откуда она и каким годом заверена».

Служащая прочитала. На нужном месте задержалась, дочитала страницу и положила её рядом с перечнем.

«Указано».

«Мне ответили, что выпись принимается».

«Она принимается. Я не могу подтвердить человека, который её заверил».

Нарев прочитал ответ ещё раз, хотя знал его с того дня, как получил. Про заверителя там не было ничего — и в его запросе тоже, потому что он перечислил бумаги по приложенному образцу, а образец не спрашивал, кто их подписывал. Значит, либо в образце недоставало строки, либо в ответе следовало оговорить, что полного комплекта может не хватить, либо он сам должен был сообразить это без оговорки, и Нарев прошёл все три до конца и не нашёл, в каком месте допущена ошибка, потому что ошибки не было ни в одном.

Он посмотрел на подпись. Две строки. Первую букву он никогда не мог уверенно отделить от росчерка. Керет, вероятно, умел её читать. Спросить Нареву не приходило в голову.

«В письме вашего учреждения стоит срок, — сказал он. — От трёх до пяти рабочих дней после подачи полного комплекта. Комплект подан сегодня».

«Подан».

«Тогда я не понимаю, что изменилось».

«Ничего не изменилось. Из перечисленного ничего не отсутствует».

Она достала чистый лист.

«Я запишу, что нужно установить. Это другой лист».

Она вывела номер дела, название выписи и фамилию под ней. Нарев смотрел, как появляются буквы, которые ещё утром ничего для него не значили. Он хотел попросить копию страницы из книги и не стал: если фамилии там нет, копия её не добавит.

«Вы остаётесь в Астве?»

«До седьмого дня».

«Оставьте гостиничный адрес. Завтра в девять подойдите с этим номером к столу проверки. Там объяснят применимые способы».

Нарев вписал номер гостиницы, сверившись с карточкой. Бумагу пришлось повернуть: опора под локтем кончалась слишком далеко от края стола.

«К тому же входу?»

«Да. Сразу направо. Талон на общий приём брать не нужно».

Он попросил написать это на обороте. Она написала, поставила инициалы и вернула лист вместе с распиской.

Бумаги для расчётной конторы Нарев убрал обратно. Пачка стала тоньше и теперь двигалась внутри футляра; он подложил под неё сложенный гостиничный лист.

Во дворе его место уже заняли. Мужчина с повязкой стоял у другого стола и придерживал бумаги здоровой рукой.

До гостиницы соседним выходом было дальше. Нарев понял это у первого ответвления, где канал ушёл в сторону от административного ряда. Возвращаться через приёмный двор он не стал.

У стойки он оставил три листа. Сави: приехал, был в Признании, срок может сдвинуться. Несе: адрес гостиницы. Энир — что дорога заняла столько, сколько обещали, что комната хорошая и что лишняя еда пригодилась.

Женщина положила листы в лоток и сказала, что ближайшая отправка через полчаса.

В комнате Нарев развернул план и отметил карандашом стол проверки. Запись о завтрашнем приёме он убрал под клапан футляра, поверх расписания.

Глава вторая. ПЯТЬ СПОСОБОВ

Перед выходом Нарев переписал фамилию заверителя на отдельный лист. На обороте вчерашней расписки служащая вывела её разборчиво, но доставать расписку всякий раз, когда понадобится назвать человека, было неудобно. Он добавил год заверения, номер дела, адрес гостиницы. Ниже оставил место для ответа.

У стойки ему передали два сообщения. Сави принял участок; верхний затвор открылся с задержкой, к утру всё проверили. Внизу стоял вопрос: где второй ключ от бокового ящика? Нарев написал, за какую скобу его завели. Ключ висел там несколько месяцев, чтобы не носить его в общую контору. Сказать об этом перед отъездом он забыл.

Энир спрашивала, приняли ли бумаги и когда он будет дома. Нарев прочитал сообщение дважды и убрал в футляр. Через час он ответит на оба вопроса сразу.

В Признание он пришёл раньше начала приёма. Вчерашний зал ещё мыли; у стола проверки свет уже горел. Нарев показал расписку, и его пропустили в боковое помещение, минуя опоры для ожидающих. Здесь у каждого места была сухая полка, достаточно низкая, чтобы писать, оставив плечи в воде. Над полкой привинтили держатель. Нарев поднял его, решив, что это прижим; служитель показал, как ставить лист под углом, чтобы читали с обеих сторон стола.

Проверяющий принёс папку после девяти. Он просмотрел вчерашние записи, попросил Нарева назвать себя и сел. На его стороне лежало четыре карандаша разной заточки. Один он попробовал на краю бумаги и отложил.

«Удостоверение для расчёта после Керета?»

«На меня и сестру. Согласие сестры приложено».

«Оно принято. Остаётся ваша семейная записка».

«С записью что-то не так?»

«С записью ничего. С заверением под выписью».

Нарев выложил лист с фамилией. Проверяющий прочитал, сверил с папкой и вернул: всё это уже лежало перед ним, в том же порядке.

«Вчера смотрели два списка».

«Я видел. Комплект зарегистрирован, по остальным бумагам работа идёт. Для вашей выписи применимы пять способов. Часть ведётся одновременно. Я объясню, вы решите, что начинаем сегодня».

Пять. Нарев достал карандаш. Значит, вчера служащая не могла выбрать один, пока не посмотрит все.

Проверяющий положил между ними печатный лист и проставил над первой строкой номер дела. В листе были графы с пустыми местами для названий учреждений.

Первый способ Признание вело само. По указателям искали другой документ той же выдачи, где эта подпись уже была принята и удостоверена. Если такой найдётся, вопрос закрывается без Нарева.

«Сколько дел уже посмотрели?»

«Не считаю. Указатели идут по годам».

«Заказывать не нужно?»

«Входит в первичную проверку. Вы на неё не влияете».

Нарев написал возле единицы: «Идёт». Строка вышла короткая, и он оставил под ней пустое место.

Второй способ проверяющий назвал прямым. Он перевернул выпись и показал название учреждения под печатью: оттуда подтверждают полномочия заверителя или выдают новую выпись, происхождение которой прослеживается до их книги.

Название Нарев знал. Оно стояло на семейном документе столько, сколько он себя помнил. Представлять, что за дверью с таким названием сидят люди, которым можно написать, ему до сих пор не приходилось.

«Отправьте запрос. Сколько стоит срочный?»

«Прямой запрос туда сейчас отправить нельзя».

«Здесь нельзя? Я могу из гостиницы».

«Из гостиницы тоже. Линии нет».

«Письмом».

«Нет перевозки, которой мы могли бы его поручить».

Нарев посмотрел на название. Оно стояло и в новом листе, выданном только что.

«Зачем тогда этот способ здесь?»

«Оттуда мы примем подтверждение, если вы его получите. Отправить наш запрос нам не с кем».

Проверяющий подтянул папку и вынул схему. На ней были отмечены линии письменной связи и места передачи запечатанного. Нарев нашёл свой город, потом Аств. До области под печатью линия не доходила. Между двумя крайними пунктами стояло обозначение воздушного перехода, и рядом от руки — дата последнего изменения.

«Проводников для этого перехода у нас нет. Письмо довезут до той стороны. Дальше оно будет лежать».

Год на обороте его выписи был годом его рождения: соответствие тогда заверили в Астве по запросу, отправленному из дома почтой.

Нареву случалось возвращать груз отправителю. Обычно находился человек, предлагавший провести его другим рукавом, и приходилось объяснять, что другой рукав сходится с первым перед тем же затвором. Здесь он второй раз собирался предложить иной способ отправки, не зная, где сходятся пути.

Он попросил подвинуть схему ближе. Проверяющий держал палец у крайнего пункта передачи, и Нарев поймал себя на том, что ищет линию за его рукой.

«Здесь только ваши отправки?»

«Все, которые мы можем использовать».

Он отдал схему. Про другой порт он уже спросил, только другими словами.

«Мне об этом в ответе не написали».

«Вы спрашивали о комплекте».

«Я указал учреждение и год».

«Изображение заверения вы не прикладывали».

Нарев положил карандаш.

«В перечне была строка о количестве копий».

«Была».

«И о том, как их сшивать».

«Да».

«Строки об изображении заверения не было».

«Не было».

«Тогда откуда я должен был знать, что его нужно прислать?»

«Ниоткуда. Если бы прислали, мы ответили бы иначе».

Проверяющий сделал пометку на своей копии предварительного ответа. Нарев читал её сверху, перевёрнутой.

«Это исправляется?»

«Для следующих запросов. Ваш ответ уже дан».

Нарев провёл черту под вторым пунктом. Черта вышла длиннее строки.

Третьим было независимое свидетельство о самой семейной записи: человек, присутствовавший при её составлении, получавший её вместе с Керетом или имевший другое непосредственное основание. Проверяющий попросил не называть тех, кто знал Нарева ребёнком.

«Сестра подтвердит, что отец у нас один».

«Её заявление приложено. Она получает по этому расчёту».

Нарев назвал двоих. Один умер раньше Керета. О втором он лет пятнадцать ничего не слышал.

Выпись лежала под держателем. Копию с неё когда-то снимали при нём: отец вынул конверт и предупредил, чтобы захватили край печати. Нарева тогда раздражало напоминание — край не выходил за лист, обрезать его никто не собирался. Кто стоял рядом с Керетом, когда выпись выдавали, он не спрашивал.

Во второй графе он записал имя без адреса. Ошибся строкой, стёр, перенёс ниже.

«Письмо домой я отправлю».

«Способ остаётся открытым».

Четвёртый обходил отсутствие прямого подтверждения. Учреждения в других областях в своё время признавали документы той же выдачи и сохранили основания, на которых это делали. Нужно получить подтверждение из их архивов, а затем удостоверить полномочия уже этих учреждений через тех, чьи решения Аств принимает. Проверяющий вписал названия в пустые графы и соединил их карандашом. Для каждого перехода был свой порядок отправки; в двух местах требовался бумажный подлинник.

«Это можно вести из дома?»

«Да. Поручаете цепь, оставляете адрес для вопросов. Здесь ждать не нужно».

«Сколько?»

Проверяющий назвал первоначальный взнос. Нарев прикинул его к расчёту на двоих. Выходило неприятно, но не бессмысленно.

«По времени?»

«По завершённым делам такого типа от двух до четырёх лет».

«Лет?»

«Да».

Он переложил лист, чтобы Нарев видел всю цепь.

«Доставка занимает часть срока. Остальное — проверки там. Они вправе запросить дополнительные основания, и за них мы этого не решим. Взнос не возвращается».

Нарев перестал считать гостиницу. Четыре года гостиницы не требовали. Поручение можно было отдать сегодня, выйти отсюда и успеть на вечерний рейс; из дома оставалось бы отвечать на вопросы, когда они появятся. Неса получила бы деньги позже и, вероятно, сказала бы, что ей не срочно.

Дома он, скорее всего, так и сделал бы. Прислал поручение, дождался первого ответа, отвлёкся на работу. Четыре года прошли бы вместе с другими годами.

«А пятый?»

Пятый проверяющий назвал местным восстановлением основания. Он снова достал вчерашний лист. За фамилией шла ссылка на городской указатель: человек с этим именем прежде служил в Астве.

«Это то же самое, что первый».

«Нет. По первому мы смотрим документы, которые к нам поступали, их указатели у нас. По пятому речь о бумагах, которые он выдавал здесь и которые лежат у людей на руках. Указателя на них нет ни у кого».

«Значит, искать должен я».

«Мы подберём, к кому обратиться. Разговаривать будете вы».

Нарев дописал ссылку к фамилии на своём листе. Для этого он всё-таки пригодился.

«Человек жив?»

«В карточке отмечена смерть. Ищем тех, кто мог знать его работу».

«Среди закреплённых?»

«В том числе. Рядом с его прежним столом».

Если у кого-то сохранилась бумага той же руки, Нарев принесёт её сюда, проверяющий сравнит обе и скажет, чего недостаёт. Принести, сравнить, при необходимости сходить ещё раз. Совпадения имени было мало для подтверждения подписи; но сейчас у него не было и совпадения.

«Сколько это занимает?»

«Пока не знаем, кого найдём».

«Если найдёте?»

«Зависит от того, что он скажет».

«Показание можно принести самому?»

«Частный разговор мы запишем с ваших слов. Для удостоверенного показания приедет сотрудник или укажут другой допустимый способ».

«Тогда пока пятый. Первый ведь продолжается?»

«Продолжается. Цепь закажете позже, если захотите».

Проверяющий не убрал лист.

«В поручение писать подбор или выездной опрос тоже?»

«Подбор. Сначала я поговорю».

Заказывать выезд, пока неизвестно, есть ли с кем говорить, значило оплатить ещё одно ожидание. Нарев спросил, можно ли получить направление сейчас. Проверяющий дописал его от руки.

В реестре нового номера брать не пришлось. Направление приняли через боковое окно и предложили подождать, пока принесут книгу участков. Нарев нашёл место у стены и перечитал свои отметки. Возле пятого пункта стояли фамилия и адрес прежнего стола. Остальные четыре заняли большую часть страницы.

Служащая вышла с книгой и развернула вложенный план квартала. В нужный период рядом с приёмным столом было несколько мест закрепления. У одного сменился обитатель. По второму записи ушли в отдельный том, и его обещали посмотреть завтра. Овелис оставалась на своём.

Нарев прочитал имя. Под ним стояли номер участка и дата закрепления. Он сложил в уме и пересчитал.

«Она знала этого человека?»

«Мы этого не устанавливаем. Её место было здесь».

Служащая поставила конец карандаша на маленький прямоугольник за бывшим столом.

«Что оттуда видно?»

«Нынешний выход с этой стороны. Прежний — по старому плану».

В направлении значился подбор возможных свидетелей. Слово «возможных» Нарев прочёл ещё у проверяющего и всё-таки ждал здесь имени человека, который уже согласился. Ему дали имя и место. Овелис могла годами не заходить в тот стол: дома он сам проплывал мимо двух контор, не зная, какие вопросы там решают. Но срок был долгий, а бумаги у неё могли остаться.

«Как к ней попасть?»

Служащая выписала современный адрес рядом с номером закрепления. Два последних поворота шли по суше. Нарев уточнил, где ближайший водный двор, и отметил его на гостиничном плане. От Признания выходило больше часа с обходом. На сухом конце была обозначена крытая площадка; открытой воды там не было.

Он попросил отправить Овелис короткий запрос о приёме на следующее утро. Служащая дала бланк для пункта связи при выходе. Нарев начал излагать дело, дошёл до родства с Керетом, перечитал и зачеркнул. Для начала ей достаточно знать, о каком времени и о чьей подписи спрашивают. Он заполнил новый бланк и вложил первый в футляр: оставлять на столе перечёркнутое объяснение не хотелось.

В гостиницу он вернулся после полудня. Ответа не было. Нарев вынул расчётные бумаги и оставил их на полке. К Овелис следовало взять выписку, направление и чистый лист. Он добавил конверт с именем Керета, потом убрал: конверт ничего не подтверждал.

Ужин заказал раньше обычного. Пока готовили, пришёл ответ: Овелис могла принять утром, до начала своей работы. Две строки. Нарев сверил время с началом приёма в Признании. Даже с обратной дорогой он успевал до перерыва, если разговор не затянется.

Бланк для Энир лежал под расписанием. Он сел у сухого края ниши и написал: «Документы приняли. Завтра иду к человеку, который может подтвердить заверение».

Вопрос о дне возвращения стоял на обороте её сообщения. Нарев перевернул лист и дописал: «После разговора сообщу срок». Завтра ответ выйдет точнее.

Глава третья. ОВЕЛИС

Овелис принимала до начала работы. Нарев вышел с таким расчётом, чтобы после разговора успеть в Признание: выпись, направление и лист для записей лежали в футляре отдельно от остального. Расчётные бумаги он оставил в комнате. Нести их к человеку, которого собирался спросить о подписи заверителя, было незачем.

У стойки ему передали ответ Сави. Ключ нашёлся, ящик закрыли. Нарев сунул бланк под расписание и попросил хозяйку сохранить для него завтрак до возвращения. Она спросила, до которого часа. Он назвал одиннадцать, прибавил полчаса и сразу пожалел: так далеко от Признания он ещё не был, обратно придётся идти другим путём. Хозяйка записала половину двенадцатого.

Восточный канал вывел его к двум ответвлениям. На карте гостиницы они соединялись за кварталом, но у ближнего вода стояла, а в дальнем под поручнем двигалась принесённая с верхних улиц пыль. Нарев выбрал дальний. Через несколько поворотов застройка отступила от воды; появились боковые дворы, в которых можно было остановиться, не перегораживая проход, и отдельные спуски к мастерским. Здесь не пришлось ни разу ждать встречных.

Последний водный двор он нашёл по номеру на стене. Отсюда начинались два сухих поворота, указанные служащей реестра. Нарев затянул крепление футляра, выбрался на ступень и расправил ворот. До Овелис требовалось пройти между домами и пересечь короткую улицу. Если разговор затянется, восстанавливаться придётся здесь; другого водного двора на выданной схеме не было.

В переулке мальчик катил пустую раму от грузовой тележки, держа её перед собой за ось. Он пропустил Нареву у стены и снова пошёл следом, уже не пытаясь обогнать. У нужного прохода мальчик свернул в боковую дверь. Нарев сверил номер. Над входом висела дощечка с обозначением места закрепления, ниже прибили две таблички с номерами квартир. Вокруг дощечки Овелис сохранилась полоса прежней краски; обе квартирные таблички прибили поверх новой.

За проходом открылся двор. Между двумя домами оставалось место для навеса и нескольких столов; через навес вывели трубу из окна второго этажа, а его край обрезали вокруг неё и подшили полосой металла. Чтобы попасть к Овелис, пришлось обогнуть один стол. На нём стояли корпуса разобранных электродвигателей, у каждого под крепёжным болтом была зажата бирка.

Овелис была за дальним столом, спиной к проходу. Столешница охватывала её полукругом; спереди оставался вырез над местом закрепления. Она наматывала проволоку на катушку. Рукоятку станка вращала правой рукой, левой направляла провод, придерживая его через сложенный лоскут. Услышав Нареву, остановила рукоятку и закрепила конец под зажимом. Часть стола перед нею откидывалась на шарнире; Овелис отвела её вместе со станком, освободив себе место для поворота.

«Вы по выписи?»

Нарев назвал себя и показал направление.

«Получила. Положите сюда».

Она убрала со свободного края плоскую коробку. Нарев открыл футляр, достал лист с заверением и объяснил, что в Признании ищут другое употребление этой подписи. Человек, чьё имя стояло внизу, раньше работал в приёмном столе рядом с её двором. У Овелис могли сохраниться бумаги того времени.

«У меня нет бумаг из того стола», сказала она.

«Совсем никаких?»

«Я туда не обращалась».

Нарев посмотрел в направление. Там было указано, что она жила здесь в нужные годы. О том, обращалась ли она в стол, никто не говорил.

«Может быть, от прежнего владельца дома? Или по работам во дворе?»

«Дом принадлежал другому. Работы тоже заказывал он».

Она подвинула выпись к себе ребром линейки. На ладонях остались следы лака.

«Покажите, что надо прочитать».

Нарев прикрыл верхнюю часть листа чистым бланком и оставил открытым заверение. Овелис наклонилась. Он прочёл фамилию вслух, разделив её на слоги так, как вчера произносил проверяющий. Овелис повторила её, переставив ударение, и ещё раз посмотрела на заверение.

«Видели такую?» спросил Нарев.

«Не помню».

Нареву оставалось спросить о соседях. Он мог записать ещё два имени и вернуться к обеду, а в Признании за это время посмотрели бы указатели дел. Но направление лежало перед ним с единственным адресом, для которого уже проверили даты, и отказываться от него после двух вопросов было рано. Овелис не обращалась в стол сама. Кто-нибудь мог приносить ей бумаги, оставлять на хранение, просить расписаться за получение; за те годы, которые она провела возле него, такие случаи должны были быть.

«А кто-нибудь из ваших знакомых обращался?»

«Вы спрашиваете, сохранила ли я бумагу, которая была не моя?»

«Могла случайно остаться».

«Не осталось».

Овелис положила на край листа маленькую коробку, чтобы его не загнуло от сквозняка, и вернулась к катушке. Нарев начал складывать направление. Теперь хотелось уйти раньше, чем она увидит чистое место, приготовленное им для ответа.

«А Керет вам кто?» спросила Овелис.

Бланк сдвинулся, когда она ставила коробку. Имя отца было открыто.

«Отец».

Она ещё раз посмотрела на имя.

«Он обмерял здания?»

«Да».

«Керет здесь был. В этом дворе».

Нарев оставил направление на столе.

«Вы его знали?»

«Он приходил. Один раз. Во всяком случае, при мне один».

«Работать?»

«Не знаю, зачем. Обмеров у меня он не делал».

Она взяла со стола катушку и повернула её отверстием к свету. Нарев ждал, что она прибавит что-нибудь: где стоял отец, с кем говорил, какую подпись оставил. Пока у него было имя и профессия. В Астве мог быть другой Керет, занимавшийся тем же. Заверителя она не помнила, зато имя отца прочитала с листа; её могли навести его вопросы о работах, хотя про обмеры он не говорил.

«Когда это было?»

«Когда у нас галерея упала. Со второго этажа, с той стороны».

Овелис указала через двор. Сейчас по стене шла труба. Ни двери, ни следов галереи Нарев отсюда не видел.

«В каком году?»

«Перед новым настилом. Старый ещё лежал под обломками».

«А год вы помните?»

Она назвала год. Нареву тогда было восемь.

Керет в тот год работал дома, на нижних складах. Нарев хорошо помнил навес у спуска, где отец оставлял мерный инструмент, приходя за ним после работы. Они возвращались вместе: Керет по настилу, Нарев по воде под ним, и у последней лестницы отец обычно просил не торопиться, потому что ещё не открыл дверь. Когда становилось холоднее, он приносил еду к воде в закрытых мисках. Один раз крышка слетела со стола и ушла между опорами; Нарев нашёл её на следующий день, с застрявшей в ручке ниткой. Крышкой пользовались ещё долго. Она оставалась у Керета в кухне, когда Нарев уже жил отдельно.

Овелис назвала год без запинки. Нарев взглянул на дату собственного рождения в выписи и пересчитал. Восемь. Ошибки в счёте не было; значит, нужно было понять, не смешала ли она обрушение с укладкой настила, не знала ли другого обмерщика с тем же именем. Обе вещи легко могли случиться за сорок лет. Если удастся разделить их сейчас, он уйдёт без лишнего разговора о том, что помнит сам: это не требовалось для проверки выписи и никого здесь не касалось.

«Это не мог быть мой отец», сказал он.

«Почему?»

«Мы жили в другом городе. Он работал там».

«Я сказала, что видела его здесь один раз».

Овелис опустила катушку в коробку с готовыми. На внутренней стороне крышки стояли две цифры. Она сверилась с биркой следующего корпуса и взяла другую заготовку.

«Он был со мной. Весь этот год».

«Этот человек сказал, что его зовут Керет. Больше я вам ничего про имя не скажу».

Нарев сам ехал сюда трое суток. Отцу пришлось бы оставить работу, устроить детей, найти перевозку; поездка заняла бы неделю или больше, и в его детстве осталась бы неделя, когда кто-то другой открывал дверь над последней лестницей. Он не помнил такой недели. Отец по вечерам разбирал свои чертежи на том же столе, за которым они ели. Нареву приходилось ждать, пока он уберёт их, и просить, чтобы на этот раз протёрли след от линейки: под ней оставались крупинки, попадавшие на дно тарелки. Вот это он помнил. А Овелис могла назвать любую неделю того года, и Нарев не знал, какую из этих тарелок, вечеров и испачканных листов ей предъявить.

«Вы уверены, что в тот год? Может быть, настил меняли раньше?»

Она посмотрела на него и ничего не ответила. Нарев повторил вопрос, уже по отдельности: когда упала галерея и когда настил заменили.

«После обрушения и заменили. Я только что сказала».

Она подтянула край коробки, который остался под его выписью. Нарев придержал лист и развернул его к ней, открыв обе строки целиком.

«Вы можете говорить о человеке с тем же именем. Мне нужно понять, что именно вы помните».

«Я и говорю, что помню».

Он вынул карандаш. Если она помнила конкретный день, нужно было получить дату; если только год, то сначала проверить год. Должно было быть разрешение на новый настил или счёт за его укладку.

«Расскажите, пожалуйста, про тот день. С самого начала».

«С начала не нужно. Галерея упала после полудня. Я была здесь».

Она указала на место под нынешним столом.

«Навеса ещё не было. Передо мной стоял шкаф, его принесло ко мне вместе с досками. Верхнюю часть разбило. Нижнюю я держала, пока не подложили брус, потому что она при каждом движении ехала дальше».

Нарев посмотрел на пространство между её столом и стеной. Под навесом было тесно даже сейчас. Когда падали доски, ей некуда было отойти. Нарев записал про шкаф, оставив ниже место для даты. Овелис заметила движение карандаша и попросила уточнить: упал не весь шкаф, а его верхняя часть. Нижнюю столкнуло с подставки, поэтому она и ехала.

«Я записал».

«Там у вас просто шкаф».

Он дописал. Бумага была повернута к ней, ей было видно каждое слово.

«Вас задело?»

«Руку зажал. Не тогда, когда рухнуло. Когда вытаскивали».

Нарев посмотрел на её ладонь, но она уже повернула её вниз. Лаком были испачканы обе руки; он снова взял карандаш и дождался продолжения.

Овелис перешла к нижнему ящику. В нём стояли готовые детали; их вынимали через щель по одной, и при расчёте потом спорили, сколько повреждений было от обрушения и сколько появилось, когда шкаф вытаскивали. Нарев дождался конца и спросил про человека у прохода.

Во дворе в тот день ремонтировали сток. По словам Овелис, сначала все, кто оказался рядом, пытались поднять доски сразу, пока она не попросила убрать людей от шкафа. Человек, назвавшийся Керетом, стоял у прохода. Она попросила его придержать наружную створку: из-за лежавшей поперёк доски её нельзя было открыть до стены, и она каждый раз закрывалась, мешая выносить обломки.

«Он держал, пока под неё не подсунули кусок кирпича. Здесь были незнакомые люди. Я спросила, как его зовут. Он ответил».

«Вы хорошо его видели?»

«Когда подошёл».

«А у двери?»

«Из-за шкафа дверь я не видела. Думала, он уже ушёл. Крикнула, он ответил, что ещё тут».

Нарев поднял голову к проходу. Из того места, где находилась Овелис, нижнюю часть двери закрывал его футляр на углу стола. Он убрал футляр на землю и попытался представить между ними шкаф, но Овелис сказала, что проход тогда был с другой стороны. Нарев посмотрел туда, куда она указала. Там тоже была стена; прежде чем сверять её рассказ с двором, требовалось узнать, что здесь осталось от того времени.

«И сказал, что он обмерщик?»

«У него был пенал для реек. Он сперва поставил его у прохода, а когда начали выносить доски, отнёс к стене».

«Вы видели рейки?»

«Пенал я видела».

Нарев положил карандаш. По крайней мере, профессию она не слышала от самого человека. Пенал мог принадлежать работнику другого рода, его могли попросить подержать, в нём вообще могло быть что угодно. Но имя она тоже слышала; нельзя было просто убрать его из рассказа, потому что без имени рассказ становился удобнее.

«Как он выглядел?»

«Молодой. Без шапки. Волосы короткие».

Керету тогда был тридцать один год. Так можно было описать и его, и многих людей на сухой стороне Нарёва участка.

«Что-нибудь ещё?»

Овелис покачала головой.

«Вы сорок лет помните человека, который придержал дверь?»

Она перестала подбирать проволоку к следующей катушке.

«Я помню, как держала шкаф. Если вам про это не нужно, не записывайте».

Нарев посмотрел на лист. Шкаф уже был записан. Рядом стояло «Керет» и стрелка к проходу. Получалось, что он сам только что назвал отцом человека из её воспоминания, хотя пришёл объяснить, что это другой. Он зачеркнул имя и написал выше: «назвался Керетом».

Овелис следила за карандашом.

«Я не говорю, что вы придумали».

«Я этого и не спрашивала».

Он спросил, откуда она знала, что пенал принадлежал именно этому человеку, и услышал, что тот принёс его с собой. Спросил, уходили ли они вместе с работниками. Овелис не видела, как он ушёл. Назвать кого-нибудь из работников она сейчас не могла. Он дошёл до конца приготовленного листа и обнаружил, что чистого места, оставленного утром для ответа о подписи, хватило только на её «не помню», а всё остальное было про отца.

«Я не могу отнести это в Признание в таком виде», сказал Нарев.

«А мне что сделать?»

Она ждала. Нарев посмотрел на зачёркнутое имя. Можно было попросить её повторить рассказ служащему, но именно этого он не хотел: в папке появится показание о Керете, и ему придётся объяснять человеку за столом то, чего он не мог объяснить здесь. Можно было вовсе не сообщать об этом разговоре. Овелис искали по заверителю; о заверителе она не вспомнила ничего. Однако на его листе уже стоял год.

Он взял выписку за нижний угол и вытащил из-под коробки. Подать её Овелис ещё раз не имело смысла. В ней была дата рождения Нарева. Чтобы подтвердить работу отца на нижних складах, пришлось бы писать домой, искать другие бумаги, просить Несу посмотреть, что осталось у неё. Без даты он не знал даже, что просить у Несы. Проверить весь год? Она спросит, какие бумаги ему нужны, и придётся снова объяснять про женщину, которая видела пенал и запомнила имя.

Но отец был дома. Нарев снова видел отцовскую линейку, оставленную поверх чертежа, и дужку закрытой миски, которую Керет опускал ему к воде. От этого нельзя было просто отказаться. Сначала требовалась дата. Она могла ошибиться годом, а могла помнить всё правильно, кроме имени; до проверки Нарев не собирался писать в Признание, что здесь видели его отца.

«Дата обрушения где-нибудь записана?» спросил он.

Овелис подтянула станок обратно. На этот раз Нареву пришлось убрать локоть, чтобы пропустить край стола.

«Ремонт оплачивали владельцы. Дату можно посмотреть в их бумагах».

«У вас есть?»

«У меня есть запись по тому, что разбилось. Коробки стояли в шкафу. За часть мне заплатили».

«Можно её увидеть?»

«Сейчас нет».

Она пропустила конец проволоки в отверстие заготовки, проверила крепление и только после этого объяснила, что старые книги лежат в закрытом шкафу у другой стены. Самую нижнюю полку она перебрать может, до верхней не достаёт. Помощник придёт завтра к вечеру и снимет книги.

Нарев предложил достать их сам.

«Вы не знаете, какие».

«Вы скажете».

«Я не помню корешок. Придётся просматривать».

Он посмотрел на часы. С момента выхода из воды прошло восемнадцать минут. Можно было дойти обратно до двора, восстановиться и вернуться. На разговор в Признании тогда

оставалось меньше времени, но если получить точную дату сейчас, повторный визит к Овелис не понадобится.

«Я могу вернуться через полчаса».

«У меня сегодня работа. К половине девятого придут за готовыми, эти надо закончить к вечеру».

Она показала на корпуса, которые он обошёл у входа. У одного крышка ещё была затянута всеми болтами.

Нарев мог заплатить за время, но не знал, сколько предложить и можно ли вообще предлагать. Она согласилась принять его до работы, он пришёл с одним листом и за десять минут заставил её рассказывать про шкаф и зажатую руку. Чтобы разговор сдвинулся дальше, ей требовалось отложить оплаченные заказы и открыть книги, которыми она не пользовалась несколько десятилетий. На утренний запрос о подписи она уже ответила.

«Послезавтра утром», сказала Овелис. «Книги мне снимут. Я посмотрю».

«Мне важно ещё понять, этого ли человека вы видели».

«Я поняла».

«Дата сама по себе не подтвердит имя».

Овелис положила лоскут на левую ладонь и зажала в нём проволоку.

«Может, вспомню ещё что-нибудь. Сегодня я вам уже рассказала».

Он спросил, можно ли прийти в то же время. Она согласилась и начала поворачивать рукоятку. Нарев подождал, пока катушка сделает несколько оборотов: хотелось вернуться к подписи заверителя, удостовериться, что этот вопрос действительно исчерпан. Но выписка лежала перед ним незакрытая, нижние строки она прочитала дважды и сказала, что не помнит. Он убрал её в футляр вместе с направлением.

На обратном пути сухая часть показалась длиннее. Под навесом он стоял в тени, а здесь верх стены уже пропускал солнце на проход. Нарев нёс футляр в руке, чтобы ремень не давил под воротом. У лестницы водного двора он задержался только для того, чтобы переложить лист с записями глубже, под жёсткую крышку.

В воде он опустился до плеч и дождался, пока дыхательные складки расправятся под тканью. Было рано возвращаться в гостиницу. До Признания он всё ещё успевал, но что именно нести проверяющему, кроме сообщения, что у Овелис нет другой подписи? О человеке во дворе она заговорила сама; Нарев мог этого вообще не записывать. Однако записал.

Послезавтра был пятый день. Если Овелис найдёт запись утром, он успеет до перерыва вернуться в Признание и спросить, что дали указатели; на шестой останется расчётная контора.

Он вынул карандаш и добавил внизу: «Проверить дату». Имя отца стояло на листе дважды, зачёркнутое и с оговоркой. Нарев подождал, пока высохнут последние буквы, и убрал лист под жёсткую крышку.

Глава четвёртая. МЕЖДУ

Нарев взял футляр к завтраку и поставил на сухой край стола, как в предыдущие дни. Внутри лежали записи разговора с Овелис. Он собирался перечитать их, пока принесут еду, но хозяйка гостиницы сразу поставила перед ним тарелку, а футляр попросила убрать: дальше по столу передавали посуду.

Он подвесил его на ремне к поясу. Есть пришлось боком, чтобы футляр не бился о край опоры. Можно было оставить бумаги в комнате. Вчера они понадобились ему утром, сегодня Овелис не принимала, в Признании ещё смотрели указатели, и до следующего разговора ему нечего было туда нести.

Еда была горячая. Нарев съел несколько ложек и отодвинул тарелку остывать. Напротив освобождали места: постояльцы поднимали посуду на край, выбирались в проход, поправляли крепления сумок. Через несколько минут с его стороны стола остался только он. Хозяйка спросила, убрать ли тарелку. Нарев придвинул её обратно.

На стойке его ждало сообщение Энир. Она спрашивала, как прошёл разговор, о котором он написал. Ниже добавила, что накануне снова забыла купить еду и ужинала у сестры; там собрались люди с её работы, разойтись успели после последнего рейса, домой добиралась через верхний проход. Нарев дошёл до этой строки и хотел написать, что вечером удобнее ходить нижним, но вспомнил: нижний ей не нравился из-за ступеней у выхода. Он уже предлагал. Она уже объясняла.

Он взял бланк для ответа и сел у свободной полки. Вчера поговорил. Нужно прийти ещё раз. В двух строках это бы уместилось, только Энир спрашивала, как прошло, и Нарев начал с подписи на выписи. Получилось несколько предложений о человеке, который когда-то заверял бумаги в Астве, а о самом разговоре ещё ничего не было. Дальше пришлось бы вводить Овелис, двор, год обрушения и объяснять, почему они заговорили о Керете, хотя Нарев спрашивал совсем другое.

Он перечитал написанное. Энир пришлось бы отвечать на это письмо, возможно, спрашивать то же, что он вчера спрашивал у Овелис. Если бы Нарев рассказал ей вечером за едой, она могла бы остановить его там, где перестала понимать, и он объяснил бы иначе.

Он попробовал прочесть без названий учреждений. Стало хуже: один человек заверил, другой не может проверить, третьего нужно спросить, а четвёртый умер. Пришлось бы нумеровать людей. Нарев улыбнулся, представив, что отправит Энир такой лист, и перевернул бланк чистой стороной кверху. Она спрашивала про разговор. Оставалось написать, что поговорили, ничего пока не подтвердилось, ждёт уточнения. Но тогда выйдет, что он несколько дней занят одной подписью, а сюда привезли целую папку и деньги давно готовы к выдаче. Он сложил бланк пополам и убрал вместе с её сообщением.

Хозяйка протянула чистый лист. Нарев сказал, что ответит позднее.

«Сегодня опять в Признание?»

«Следующий приём завтра».

Она кивнула и убрала лист в пачку. Нарев поднял футляр, собираясь выйти, но вернулся в комнату. Бумаги полежат здесь хотя бы до вечера.

Без ремня под рукой двигаться было легче. У гостиничного ответвления Нарев взял к открытой воде. До этого он всё время сворачивал к административному каналу; теперь прошёл прямо и оказался под длинным зданием, стоявшим на поперечных опорах. В промежутках между ними было светло, а вдоль стены тянулась полоса тени, в которой не приходилось щуриться. Нарев выбрал её и некоторое время двигался возле стены, стараясь не выйти на грузовой ход.

За зданием вода стала прохладнее. Он опустился ниже, позволил рукам идти вдоль тела. Здесь хватало места для полного движения, ничего не нужно было придерживать у живота, обносить вокруг соседского локтя или подтягивать перед очередной створкой. Нарев добрался до дальней опоры и вернулся с другой стороны. По обратному пути его несло быстрее; у стены пришлось затормозить ладонями, прежде чем повернуть.

Солнечные полосы от промежутков в настиле лежали на опорах. Нарев вытянулся возле одной из них, подняв лицо над водой. С верхней галереи его, вероятно, можно было принять за ожидающего посадки. Он убрал руку с поручня и позволил себе сместиться в сторону. Здесь его никто не окликнет с берега по поводу решётки, которую давно пора поднять; инструменты остались дома, да и участок не его. Нарев перевернулся, пропустил над спиной встречный поток и вернулся к опоре. За ворот попало что-то мелкое. Он достал пальцем обрывок нитки и снова устроился на солнце.

Он прошёл так ещё раз. Дома в свободный день он иногда уходил дальше, чем собирался, и возвращался другим рукавом, уже голодный, с неприятной необходимостью искать еду там, где ничего не оставалось к вечеру. Здесь он только что позавтракал. Можно было держаться стены до следующего выхода, увидеть, где она заканчивается, а если выход окажется сухим, развернуться. Нарев подплыл к опоре и увидел за ней знакомый мостик терминала.

От гостиницы, оказывается, можно было дойти сюда без длинного обхода, которым он пользовался в день приезда. На мостике переносили закрытые ящики. Пассажирский переход был поднят; у нижнего поручня дожидались двое, рядом с ними держалась на воде сетка с вещами. Нарев обогнул их, вышел из-под мостика и остановился у боковой лестницы.

Здесь заказывали места. Записывались у окна над ступенями, в очереди стояло трое. Место у него было. Менять ничего не требовалось. Нарев подождал, пока очередь сойдёт, и повернул обратно.

Он остался в воде, пока переносили последние ящики. Через открывшийся промежуток было видно внутренний отсек транспорта. Там проверяли крепления опор; человек с коротким инструментом двигался от одной к другой, нажимал на каждую и отмечал проверенное мелом. Нарев поймал себя на том, что ждёт проверки дальнего ряда. Он отвернулся и пошёл обратно под здание.

Возвращаться в гостиницу пока не хотелось. На углу протоки продавали еду, и возле окна оставались свободные места. Нарев спросил, можно ли взять только питьё. Ему поставили чашку и предложили подвинуться, если придут обедать. Он выбрал крайнее место, откуда не пришлось бы выбираться через остальных.

С собой были деньги, гостиничный ключ и маленькая записная книжка. Нарев носил её в плоском чехле под одеждой даже дома, хотя на участке писал редко. Он вынул книжку, положил на сухой стол и открыл с конца. Между двумя исписанными страницами нашёлся чистый разворот.

Напротив стоял кувшин с узкой ручкой. Нарев начал с ручки, вывел её слишком большой и добавил под её размер корпус. Корпус вышел наклонным. Он дорисовал край стола; теперь кувшин стоял на склоне и должен был опрокинуться. Нарев посмотрел на настоящий, повернул книжку и засмеялся себе под нос. Исправлять не стал. На соседней странице нарисовал его сбоку, хотя смотрел всё с того же места, и ручку сделал ещё больше.

Когда принесли еду для новых посетителей, пришлось освободить половину стола. Нарев закрыл книжку, не дожидаясь, пока высохнет круг под чашкой. Край страницы потемнел. Он подержал книжку раскрытой, глядя, как вода впитывается выше рисунка, и оставил между страницами обёртку от салфетки. Раньше это бывало; высохнет, лист покоробится. Его можно вырвать.

Пора было обедать. Нарев заказал то, что несли соседям, доел и ещё немного посидел, потому что теперь уходить означало снова выбирать направление. Отсюда до Признания был

знакомый путь. Спросить, нашлось ли что-нибудь в указателях, он не мог: там сказали, что известят в гостиницу, и адрес он оставил сам. Приходить на следующий день после того, как согласился ждать сообщения, было странно, особенно если за столом окажется тот же проверяющий и попросит сначала назвать, что изменилось.

Нарев достал книжку и убрал, не открыв. Он оплатил еду и вернулся в гостиницу.

Сообщений не было. Хозяйка дала ему местную газету, которую уже читали за общим столом. Нарев взял её в комнату и опустился в воду. Он прочёл начало заметки, перевернул страницу, обнаружил продолжение той же заметки и вернулся назад. Между полкой и нишей расстояние было рассчитано для чтения, но держать газету за дальний край всё равно приходилось.

Нарев попробовал устроить её на подставке для документов. Держатель в комнате отличался от того, который показывали в Признании: прижим захватывал только угол, и сложенный лист всё время съезжал. Он сложил газету ещё раз, поджал нижний край ключом, прочёл несколько строк. Теперь было удобно, но читать расхотелось. Снимать газету он не стал.

До вечера оставалось несколько часов. Оставалось спросить, есть ли в гостинице книги, или заказать разговор с Энир, если она сегодня закончила рано. Соединение пришлось бы ждать, а прежде надо было выяснить, где её искать; в прошлый раз она звонила с работы, дома аппарата у неё не было. Сообщение проще. Нарев потянулся к футляру за недописанным бланком и снова опустил руку в воду.

Он вымыл дорожные крепления, которые собирался отдать в гостиничную чистку, и развесил над нишей. Одно пришлось перевесить: вода с него попадала на скамью с одеждой. После этого Нарев разобрал футляр и переложил расчётные бумаги под картон. Завтра они не понадобятся. Вчера он уже откладывал их отдельно, только перед выходом всё равно взял с собой.

Лист с рассказом Овелис остался сверху. Нарев прочёл строки о шкафе. Верхняя часть упала, нижнюю столкнуло; руку зажало, когда вытаскивали. Внизу, возле упоминания пенала, он дописал вопрос о дате. Остальное на листе было зачёркнуто или уточнено, а год стоял тот самый, с первого раза. Овелис могла проверить его сегодня вечером. Ей снимут книгу, она откроет нужное место, увидит, что обрушение было раньше или позже, и завтра останется только исправить год на этом листе. Если год совпадёт, придётся вернуться к имени. Пока делать здесь было нечего.

Нарев убрал записи. На чистом бланке написал Энир, что разговор состоялся, у женщины нет нужного образца подписи, но она проверит старую запись. Повторный приём утром. Он перечитал, добавил, что день провёл без дела, и отнёс сообщение к стойке.

Хозяйка спросила, обедал ли он. Нарев сказал, что да, у терминала, хотя место находилось ближе к гостинице. Объяснять повороты было незачем. На ужин он заказал еду в комнату.

Некоторое время он лежал с закрытыми глазами. Из коридора доносились шаги и стук поставленного на пол багажа. Кто-то несколько раз пробовал соседнюю дверь, прежде чем нашёл нужный ключ. Нарев услышал, как дверь наконец открылась, и сел глубже.

Утром пятого дня Нарев взял тот же футляр. К Овелис он шёл без гостиничного плана и у последнего водного двора задержался, чтобы заранее открыть крепление замка. Во дворе под навесом стояли пустые корпуса, которые он видел позавчера. Готовых катушек на ближнем столе не было. Овелис вытирала кисть о край банки; увидев Нарева, положила её поперёк двух деревянных брусков и показала на раскрытую книгу.

«Нашла расчёт. Вот здесь».

Он положил футляр на свободный край. На странице стояли суммы, даты и сокращённые обозначения деталей. Овелис прикрыла соседние строки полоской картона, оставив одну.

Год совпадал с тем, который она назвала.

«Это день обрушения?»

«Когда заплатили за повреждённое».

«А само обрушение?»

«Раньше. Мне ещё руку перевязывали, когда считали, что испорчено. К выплате уже перестали».

Нарев переписал дату и рядом отметил, к чему она относится. Выплата не могла предшествовать обрушению. Но насколько позже она состоялась, из книги не следовало. Он попросил посмотреть предыдущую страницу. Овелис перевернула лист; там был тот же месяц, обычные заказы, ни одной пометки о дворе. Ещё раньше начинался другой месяц. Нарев прочёл даты у трёх строк и остановился.

«Вам могли заплатить через несколько месяцев».

«Могли. Но мне заплатили, пока ещё разбирали галерею. Доски лежали под стеной».

«Это где-нибудь отмечено?»

Овелис отвела картон. Под ним продолжался столбец сумм.

«Здесь только то, за что рассчитывались».

Нарев снял футляр со стола, чтобы можно было развернуть книгу целиком. В конце записи были две буквы, которые он сначала принял за инициалы. Овелис объяснила, что так помечала оплаченные работы. Других подписей на странице не было. Он записал и это.

Она убрала книгу от открытой банки с лаком. Нарев хотел попросить оставить её, но он уже переписал строку; дальше пришлось бы читать заказы человека, чья работа его не касалась, в надежде, что между ними найдётся слово про обрушение. Овелис сама их просмотрела. На отдельном листе перед нею были выписаны суммы.

«Про человека у прохода что-нибудь вспомнили?»

«Он поставил пенал у левой стены. Я вам сказала, что у стены. Посмотрела, откуда тогда выносили доски. У другой поставить было нельзя».

«А лицо?»

«Нет».

«Имя вы от него слышали? Или кто-нибудь его позвал?»

«Я спросила, он ответил».

Нарев добавил в свои записи левую сторону. Она не меняла ничего. Ему уже неловко было держать карандаш над листом после каждого ответа: вопрос оставался прежним, Овелис могла просто увидеть, как он переписывает позавчерашнее. Нарев закрыл книжку, хотя лист с разговором лежал отдельно.

«Вы получили сообщение из Признания?» спросила она.

«Нет».

«Я думала, у них могли найтись другие бумаги. По той подписи».

«Пока ничего не прислали».

Овелис забрала со стола картон и накрыла им открытую банку. Нарев смотрел, как она собирает сделанные для него выписки. Год оказался прежним. Но это была дата расчёта с Овелис, а не документ о Керете. Если отнести её проверяющему без объяснений, он станет сопоставлять эту дату с рассказом, в котором Нарев уже написал имя отца. Правда, зачеркнул и добавил «назвался». Этого мало. Нужно отдельно сообщить, что имя было произнесено, а личность человека не подтверждена, и что в те годы Керет жил с ним. Пусть скажут, какие бумаги для этого нужны.

«Там ещё был сосед», сказала Овелис. «У Нижнего ряда. Я думала, вспомню, как его звали. Не вспомнила».

Она указала вдоль стены, мимо прохода, через который пришёл Нарев.

«Он тоже был здесь?»

«Был у себя. Его место выходило к проходам. Оттуда видно, кто идёт. Мы часто видели друг друга через дворы».

«Он жив?»

«Не знаю. Пристройку сделали, я его больше не видела. Это гораздо позже».

Нарев снова открыл книжку. Он записал название: «Нижний ряд».

«Второй проход, если идти от воды», добавила Овелис. «Там во дворе».

«А нынешний адрес?»

Она показала туда же.

Нарев вписал направление под названием. Из этого двора соседнего места видно не было: угол пристройки закрывал всё за проходом. Чтобы проверить, сохранилось ли оно, нужно было обойти дом, но сначала стоило отнести записи проверяющему. Тот хотя бы скажет, как сообщить это, не утверждая, что речь шла о Керете. Нарев поблагодарил Овелис, держа закрытый футляр в руке. Она подвинула книгу за станок и снова взяла кисть.

До Признания он добрался через административный канал. У бокового входа выдавали талоны общего приёма; к проверяющему он шёл без записи. Нарев взял талон и опустился у крайней опоры. На обороте направления, с которым его отправили к Овелис, оставалось место на две строки. Он прикинул, что туда войдёт, и убрал направление в футляр. Перед ним было девять человек.

Глава пятая. ВОЗРАЖЕНИЕ

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.